

ЕКАТЕРИНА ДЕДУХ

ПОГРУЖЕНИЕ

СТИХИ

УД

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Издание Санкт-Петербургского отделения
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Екатерина Дедух

Погружение. Стихи - 2017: - СПб: - 76 с., - илл.

ISBN 978-5-4380-0185-0

Редактор - Роман Круглов
Художественное оформление, вёрстка - Екатерина Дедух (hatuli@mail.ru)
Технический редактор - Виктор Шокальский

Екатерина Дедух родилась в 1989 г., петербургский поэт, художник, мультипликатор.

Член Союза писателей России и участник литературного объединения "Молодой Петербург", автор книги стихов "Графика дней" (2014). Участница Конференции молодых писателей Северо-Запада (2007 и 2014 гг.). Лауреат премии "Созвездие талантов" им. Д. С. Лихачева (2007 г.), премии Министерства образования и науки Российской Федерации по поддержке талантливой молодежи, установленной указом президента (2007 г.) и премии «Молодой Петербург» (2012 г.). В сборниках и периодической печати Санкт-Петербурга, других городов России публикуется с 2006 г.

Во вторую книгу - "Погружение" - вошли стихотворения 2016 года.

ISBN 978-5-4380-0185-0

© Союз писателей России
(Санкт-Петербургское отделение), 2017
© Дедух Е.Б., 2017

ЕКАТЕРИНА ДЕДУХ

ПОГРУЖЕНИЕ

СТИХИ

* * *

Я уеду за город, где скрежет машинный не слышен,
Только говор ручейный доносится издалека.
Здесь паденью комет равнозначно падение вишен,
И сияние солнца равно огоньку светляка.

Я ложусь на сплетенье бессмертника, мака, осота –
И теряюсь в стрекочущей жаркой зелёной волне.
И ни капли не кажется страшным, что точку отсчёта
Сквозь слои не нащупать уже никогда в глубине.

* * *

Мы на лугу – в ладони Бога.
Всё меньше слов
Нам нужно. Вот опутал ногу
Болиголов,
Прилив зелёный хлынул густо...
Спи, милый, спи.
Ведь даже если время спустят
На нас с цепи –
Не прокусить ему кольчугу:
Трава крепка.
Мы обовьем с тобой друг друга,
Как два ростка,
И смерть не унесёт нас с поля,
Зажав в горсти:
Пройдёт, посмотрит – и на воле
Нам даст цвести.

* * *

Я чаша деревянная. В руке его
Я вспоминаю летнее тепло,
Как ветер в кроне танцевал затейливо,
Как солнце ствол к себе наверх влекло.

И даже мрак земли успокоительный,
Предвосхитивший первую весну –
Всё вспомню. Боже, дай мне напоить его,
Живой воды побольше зачерпнуть.

* * *

Ты теперь не со мной, в том ни зла нет, ни чьей-то вины.
Словно атомный взрыв, поднимается гриб тишины.
Закононый пейзаж – бутафорский корявый макет –
До меня не доносит ни воздух, ни солнечный свет.

Будто вынут из мира невидный живой элемент,
И не выловить даже, в какой это было момент,
И не вычислить вора. Хотя, не моя ли рука
Смысл вынула прочь – точно лампочку из ночника –

Из живого момента? Как будто порвала струну
Инструмента поющего. Вот, почему я тону
В пустоты и неверия всепоглощающей мгле.
Нет мне воздуха в воздухе. Нет мне земли на земле.

* * *

Чтобы освободиться – скажу: «Нет меня».
Всё сильнее, очевиднее день ото дня
Эта мысль проступает, бодрит, леденя.
Тишь без дна и без края,

Небесами мои заливая глаза,
Наступила почти. Чтобы двинуться за –
«Нет тебя» надо тоже осилить сказать.
Но язык замирает.

* * *

Словно к самому дну, я сквозь день опускаюсь ко сну.
Я мечтаю, как в детстве, заснуть, лишь подушки коснусь,
Но на сонной таможне проверку пройти я должна:
Не пропустят меня, если мысль при мне хоть одна.

Я сулю им реальность, как взятку, сжимая в горсти,
А они лишь смеются: не хватит её, чтоб пройти.
Им известно: за тонкой границей сонной черты –
И уже столько лет только там – снова ты. Только ты.

* * *

Стынет, точно смола, вечер жаркий и терпкий.
Навсегда остаются хвоинками в нём
Дым твоей сигареты, опутавший ветки,
Небо сжавший в объятьях большой водоём,

Лепестками от солнца речужка-аллея
Вся усыпана. Пахнет кувшинкой вода.
Я смотрю в этот день. С каждым годом сильнее
И мучительней жажда вернуться туда.

* * *

Пустота моя, как щенок юля,
В предрассветной исчезнет мгле.
Никогда не даришь ты мне себя,
Но меня возвращаешь мне.

А случись потом интереса для
Бог оставит меня одну –
За тебя обнимет меня земля,
Распахнув свою глубину.

* * *

Мне всё видится в лицах прохожих твоё лицо.
Не забыть, не придвинуться ближе, не отдалиться.
Так вокруг оси вращается колесо,
Не меняя дистанции – на расстоянии спицы.

Так мучительно близко планеты вблизи планет
Круг за кругом проходят по проклятой их орбите.
Наказанье за то, что желаю любви в ответ –
Эта жажда забыть вместе с жаждой опять увидеть.

И хотя никогда не случится мне быть с тобой –
Самым светлым и ценным, что Богу смогу отдать я,
Будет эта тобою моя налитая боль,
Что дороже и глубже иного пустого счастья.

* * *

Тех сосен оранжевый аромат
Стоит и сейчас во мне,
Как будто я воздуха синий плат,
Растянутый в летнем дне.

Как будто сама я тот горький лес,
Что небо тогда держал
Над нами безмолвно, смущенья без
Взирая на наш пожар.

Всё словно сейчас. А когда умру –
Не кану среди могил,
А стану тем часом в густом бору,
Когда ты счастливым был.

* * *

Привычную недрогнувшей рукой
Перемелю родное в материал
Невзрачных букв, чтоб в книжице простой
Он, словно кофе в баночке, стоял.

Придёт момент, достанут сей помол,
Заварят мыслей крепким кипятком –
И всё бывшее хлынет через стол
Безудержно, ожившее легко.

Но это после. Прежде отдохнуть
И мне на жерновах придёт пора,
Чтоб на страницах свой продолжить путь
И этим подтвердить свои слова.

* * *

Сквозь память всё ниже и ниже – вот это по мне.
Хорошие образы плавают на глубине,
Где пышно событий минувших коралловый риф
Разросся, в нём рыбки эмоций шныряют внутри.

И я здесь уже не участник – невидимый гость,
Пришедший собрать пёстрых камешков жалкую горсть.
Сложив из них шаткие башенки на берегу,
Хотя бы на время я прошлое уберегу.

И только одно я всегда обхожу стороной:
Корабль затонувший всего, что делила с тобой.
Дать имя тому, что любимо, мне власть не дана,
А вещь безымянную – не отдаёт глубина.

* * *

Светлячок одиночества мне опускается в душу
И горит, бросив строчек неверные тени на лист
Сквозь меня. Обвожу их, стараясь покой не нарушить,
Чтобы он, потревоженный, снова не канул вдали.

А когда он исчезнет – обилие дел мошкарою
На меня налетит, и придётся мне снова в поту
Отгонять этот гнус, чтобы он не заполонил собою
Для моих светлячков предназначенную пустоту.

ПОЭТ

Покуда со скоростью, близкою к скорости света,
Вращается мир в бурном вихре пустых перемен,
А время-потоп подступает – ты ищешь ответа,
У кромки его замирая, ты ловишь момент –

И черпаешь время, скрепляешь материю знаков
Раствором его... То есть, с гелевой ручкой в руке
Ты лестницу в небо, которою грезил Иаков,
Всё строишь и строишь, строку подгоняя к строке.

* * *

Снится: стали туманны прозрачные ранее дали,
Закипает гроза, преграждая намеченный путь.
И вода, что баюкала тихо, ярится и скалит
Хищно острые камни. Но я не могу повернуть,

И нельзя мне расклеиться или разбиться о скалы,
По случайности или нарочно погибнуть в пути:
Я плывущая лодка, что в тихую бухту к причалу,
Миновав океан, всех, кто дорог, должна довести.

КАРЕЛИЯ

Здесь над тобой небес сомкнётся море
И, сердце острой отворив звездой,
Вольёт в тебя настоящую горечь
Напополам с тупою чернотой,

Которой захлебнёшься ты беззвучно
В бездонной тихой пропасти глуши.
На волнах трав, покрывших склоны тучно,
Растает льдинкой крик твоей души...

Но вслед за ним утонет чувство боли,
И ощутишь до сладкой немоты:
Не нужно сил с небес просить и воли —
Всё есть в тебе, и с небом вровень ты.

* * *

Так волны ясности накрыли,
Что просиял всем существом –
Как будто кто тебя от пыли
Протёр любовно рукавом
И чем-то до краёв внезапно
Твою заполнил пустоту,
Однако тут же выпил залпом –
И ты вернулся в темноту.

* * *

Я читаю стихи, но в строке не колеблется слово.
Бьётся сердце в страницу, но не открывается путь.
Он ещё день назад распахнулся бы проще простого,
А сейчас так глуха тишина – сквозь неё не скользнуть.

Я сижу побирушкою жалкой весь день у порога,
То в сердцах угрожаю, то хнычу, царапаясь в дверь.
На вопрос «Как пройти», ожидая ответа от Бога,
Отвечаю сама: просто жить. Без надежды теперь.

* * *

Стирая мысль в словесный порох,
Но главного не находя,
Гляжу, как за окошком город
Проходит катарсис дождя.

Насколько мелок и ничтожен
Мой словомысленный завод
В сравненьи с каплей, что по коже
Улиткой мирною ползёт...

Бросаю всё и выбегаю
Во двор под дождь – и в этот миг,
Мне кажется, я мир меняю
Сильней, чем написаньем книг.

* * *

Кто-то горько, всерьёз, кто-то в шутку, а кто-то в бреду –
Только очень уж много про Рай говорят на досуге
Прокопчённые грешники, что обитают в Аду.
И особенно часто – на самом мучительном круге.

Там пошли бы на всё, чтоб назад возвратить благодать.
И молчат лишь о том, что вернуть её были б готовы
Не затем, чтоб сберечь, а затем, чтоб опять испытать
Сладострастную муку терять её снова и снова.

* * *

Взять бы талант да в землю его зарыть.
Хитросплетенье тонких пройдя корней,
он почерпнул бы там плодородной мглы,
Ну а потом вернулся б наверх ко мне,

Чтобы метафор густою цвести волной,
Строки питать, словно листьев водоворот.
Только одно затруднение: лишь со мной
В землю за этими силами он сойдёт.

* * *

Черноплодной тоской всё полней наливается сад.
О точёные острые звёзды боясь уколоться,
Низко робкий туман мимо дома ползёт наугад.
Словно хищник в норе, темнота, ты таишься в колодце,

Ждёшь момент для броска, хочешь в душу нырнуть, чтоб рассвет,
Что наступит вот-вот, до тебя не добрался вовеки.
Ты права: на земле столь глубокого омута нет,
Где б так было темно, как бывает темно в человеке.

* * *

Когда ночного страха чад колеблется во мне,
Не оставляй меня, луна, плыви в промозглой мгле
Сбежавшим мячиком в реке, который день за днём
Ребёнок где-то ждёт, слезу роняя в водоём.
А я, цепляясь за тебя в безбрежности минут,
За ночью ночь переплыву, не опущусь ко дну.
А после выйду из воды на берег и в песок,
Как белый мячик, положу тебя у детских ног.

* * *

Ветер носит тихий лепет бледной лебеды,
Солнца луч беспечно пляшет в черноте воды.
Жизнь мою залью в неровных строчек чёрный ряд,
Точно солнце – луч в колодец. Пусть они горят
В глубине... Смешно подумать: будь я иль не будь,
После жизнь моя сама продлится как-нибудь:
Прочитают и поймают (что ж, что без меня)
Зайчик солнечный – остаток прежнего огня.

* * *

Перед тем, как завясть, моё детство дало семена.
И они, провалившись сквозь мыслей разрозненных ворох,
Спят в моей глубине, глубже самого странного сна.
Но, порой, рассыпь солнечных пятен в глуби коридора,

Старой песни клочок, позабытый давно аромат –
Их разбудят, и всё вдруг становится ясно и просто,
Будто эти ростки главный смысл моей жизни хранят,
Вновь и вновь прорастая легко сквозь рутины коросту.

* * *

Проработав над словом внимательно столько лет,
Очищая его от примесей, ото лжи,
Понимать начинаешь, что главного в слове нет,
И – хоть жизнь положи – в слово этого не вложить,

Даже если сумеешь до самых глубин дойти...
Своевременно ляжет само оно между строк.
Так в хороший скворечник слетается стайка птиц,
Так в простую икону, случается, входит Бог.

* * *

Как молодой, влекомый жарким светом,
Росток взлетает, зёрнышко дробя –
Так, в небо потянувшись за ответом,
И ты однажды выйдешь из себя.

И, обернувшись, вдруг увидишь ясно:
Не так уж мир был холоден и мал,
Тепло ты мог бы черпать ежечасно,
Когда б искал, а не безвольно ждал.

* * *

Вот глиняный сосуд – обыденная ёмкость.
Её удел – простой и незаметный труд.
Её бокам чужда фарфоровая тонкость
Тех чашек, что гостям на праздник подают.

Она стоит в углу разбитого сарая –
Амбиций лишена, убога и проста,
И воду бережёт внутри себя, не зная:
Воде той суждено вином однажды стать.

* * *

Солнце листьев так запросто втоптанно в землю,
Что немеет душа.
Говорят «не суди» – я молчу, я приемлю,
Я гляжу, не дыша.

И сквозь страх прорастает желание летом
Стать древесным листом:
В небеса окунуться, наполниться светом,
Ничего, что потом –

Под каблук сапога, зная, что не осталось
Мне дороги назад.
Я свой солнечный свет – пусть хоть самую малость –
Перелью в чей-то взгляд.

* * *

Время шло и наливало лето
В гулкие колодцы Петербургу.
Аленьким цветочком сигарета
меж друзьями двигалась по кругу,

Вяла, меркла, снова расцветала –
Будто сил давала ей вся эта
В наших душах пустота святая,
Завязи вопросов без ответа,

Эта жизнь – колодец из колодцев...
Время, не жалея, плесни нам света!
Кто монетку бросит, тот вернётся –
Бросим все. Вернётся только лето.

* * *

Окнами ловишь на память пейзаж вдали.
Хочешь, не хочешь – по рельсам вперёд бежишь.
Душу всю жизнь изливаешь в дорожный ритм –
Сердцебиенье в металле глотает тишь.

Стынут пути раньше, чем наступает день.
А через время вообще порастёт травой
Всё, даже ты. Но, потерянный в лебеде,
Ты вдруг поймёшь: наконец-то пришёл домой.

* * *

Затуши поскорей разговор о мою тишину,
Чтоб словами пустыми нечаянно не изувечить
То, что тоньше, чем слово, что часто у слова в плену.
Немота твоих рук, что неловко ложатся на плечи,

Будет к истине ближе, чем жёсткие корпусы фраз.
Пепел памяти в них соберём мы позднее, пока же –
Не поместится в них ни вечернего света игра,
Ни прилив темноты, ни ресница упавшая даже.

* * *

Когда на душу мне находит глухота,
И выцветает враз событие и слово –
Ищу глазами всплеск продрогшего листа,
Хвоинку, след в песке – ведь в мелочах основа,

Вокруг которой вновь сомкнётся в горле ком,
А из него на свет опять пробьётся чувство –
Способность снова жить и больно, и легко,
И даже пустоту постигнуть, как искусство.

* * *

День, словно треснувший кувшин.
Скорей допей, что в нём осталось,
Чтоб не пропала даже малость,
Что он готовил для души –

Простая мелкая деталь:
Шершавость обожжённой кружки,
Медовый свет древесной стружки,
Туманом тронутая даль –

Всё это может много дать
Тому, кто понял. На границе
Помедлит солнце, чтоб напиться,
Реки не потревожив гладь.

ЛОВЦЫ ЖЕМЧУГА

Нам второе дыхание не даром дано:
В ту же реку спешим, чтобы камнем на дно
Опускаться опять за жемчужным зерном –
Мы своей не бежим чаши.

Все мы рецидивисты: стремимся хоть часть
Своего из-под носа у жизни украсть
Драгоценного счастья. И даже печаль
Заберём, ведь она – наша.

* * *

Все слова, что сейчас я так жёстко тебе говорю –
Лишь подрезка ветвей, от которой улучшится рост.
Ты молчишь мне в ответ. Я как будто стою на краю.
Отчего эта жуть? Я же знаю, мир чёток и прост:

Глянь, какая моими ветвями взята высота –
И со мной операцию эту же произвели...
С той поры меня всё ещё мучает мысль, что тогда
Перерезал секатор не ветви, а корни мои.

* * *

Надо уметь заниматься простыми вещами –
Ну, например, без закуски глушить тишину.
Прوماхов груз, что с годами растёт за плечами,
Молча принять без остатка, спины не согнув.

Как по воде, по годам без сомнений и страха,
Бодро идти, с гордо поднятою головой,
Зная, что ты ошибёшься однажды, и махом
Без сожалений сомкнутся они над тобой.

* * *

Под землёю опять не проветрено и многолюдно.
Душу сбрызнет триолью спасительной старый скрипач.
Но расслышать его с каждым шагом трудней: в шуме мутном
Позади затихает скрипичный отчаянный плач.

Притаившийся Босх отовсюду глядит жутковато:
В щёлках глаз, в жёстком профиле, в абрисе чьей-то спины
Эти черти и чёрточки... Страшно: а вдруг эскалатор
За грехи в этот раз не поднимет меня с глубины?

* * *

Вновь твои пальцы скручивают сигарету –
Лёгонький, хрупкий, несовершенный мир.
Маленький космос внутри одного предмета,
Неповторимый – он съёжится через миг,

Вспыхнув мучительно, и навсегда пожухнет.
Этот окурок и стол, города и кухни,
Мир без конца – в портсигаре. Ну, что ж, гореть –
Смысл и прямое призвание сигарет.

* * *

Слышишь ли нас? Верно, устал, спишь.
Тяжек и пуст суетный наш век,
Страшно, темно, вера даёт брешь,
Ну а Тебе - всё не поднять век.

Криком кричим со своего дна,
Бьётся в ночи колокол за нас,
Но и ему не разорвать сна:
Снится Тебе, что Ты нас всех спас.

* * *

С кем-то друга от пули закроешь собой,
С кем-то встанешь скучать у окна.
А с другим – позабавишься с чьей-то женой,
Осушая бутылку до дна.

Всё вместишь: грех и святость,
Тела и дела. Жаждой жизни вовеки томим,
Ты пылаешь сквозь нас, мы сгораем дотла.
Но становимся светом Твоим.

* * *

Одни сосуды лепятся быстрее,
Их образы находятся легко.
Другие же, напротив, много дней
Свою меняют форму под рукой.

И всё равно конец у них один:
Всем дышит смерть печным огнём в лицо...
Но человек – не глина, не кувшин,
А диалог меж глиной и Творцом.

* * *

Весны бикфордов шнур искрит листвою,
И лето-динамит рванёт зелёным.
Мой город, этой вспышкой опалённый,
Цветком гранитным ляжет предо мной,

Растоптан жёлтым сапогом жары.
И о зиме уже не вспомнят даже.
Под рёбра снова мысль кольнёт, что так же
И я бесследно выйду из игры.

* * *

Только небо коптил в бесполезной своей суете,
Увиваясь за девками, славой, простыми деньгами.
Но умаялся, замер. Однако в своей простоте
Всё же веруешь: мастер божественный не за горами,

Он починит здесь всё. И тебя, точно старый мопед,
До того, отравляя природу, ржавевший в кювете.
Ты рискуешь понять слишком поздно, в последний момент:
Не у мастера, а у жестянщика ты на примете.

* * *

Шумят в ночи. На звука острії
Нанизано, как на калёный гвоздь,
Сознание, но вот он вдруг плывёт
И плавится, и ты проходишь сквозь

Него. Всё неизбежно и легко
Становится. Тебя, твою кровать
Сон будто накрывает колпаком
От жизни. В общем, учит умирать.

* * *

Теряясь и не разбирая пути,
Слепой неуклюжий щенок,
Я смысл этой жизни пытаюсь найти –
Наполненный тёплый сосок.

Мне надо пробраться сквозь всю эту мглу,
Успеть хоть бы раз пригубить
Тепло. До того, как за мной поутру
Придут, чтоб меня утопить.

В ДЕТСТВЕ

Был купол собора тогда неизбывно далёк,
А нынче идёшь, головой задевая о небо,
И стужа на блюдечке лужи под ноги суёт
Остывшие звёзды под сахарной коркою снега.

И душно и страшно от эдакой близости небес...
И хочется снова в неведенья сладкой истоме
Под купольным небом сквозь свечек сияющий лес
Идти в гости к Богу, живущему в каждой иконе.

* * *

Мы тарелки из глины, мы так безнадежно устали
И от собственной плоскости, и от глазеющих толп...
С этой выставки, где на столе мы как на пьедестале,
Мы однажды сбежим: мы осколками брызнем об пол

И от боли ослепнем в надежде, что вдруг мастерская
Хоть на час, хоть на миг нам привидится снова вокруг.
Небольшая цена, что собою мы быть перестанем,
Если вновь через смерть ощутим теплоту Его рук.

* * *

Удалились. Сад замер и сделался пуст.
Чёрной чаши бездонный провал
Миновал, до твоих не дотронувшись уст,
И щеки поцелуй не марал.

Впереди жизнь и старость. Внучат на дворе
Звонкий щебет, цветущий жасмин...
Прошептала листва наверху: «Назарей,
Всё спокойно. Не ты Его сын»

Всё смешалось во мгле. Рассмеялась земля,
Покачнувшись, ушла из-под ног.
Вздрогнул ты, осознав: по-другому нельзя –
Или ты человек, или Бог.

Крикнув: «Отче, прости! Я свой крест подыму...»
Пробудился средь спящих в саду
И увидел без страха, как тронуло тьму
Пламя факелов в горьком чаду.

* * *

Гудит шмелями тёмная полынь
И пахнет жарко, тяжело и пряно,
И в голову от этого дурмана
Плывёт небес отчаянная синь –
Не проморгай момент: ладони сдвинь
И зачерпни полней из океана
Небесного, что поздно или рано

Тебя слизнёт
На глубину высот,
Чтоб снова ты был с ним.
Чтоб ты был Им.

* * *

Мы в этой жизни – босяки,
Что в дорожном ресторане
Бравады ради, ради шулки
Назаказали разных блюд.

Не расплатиться: медяки
У каждого из нас в кармане.
Не подавай им вид, что жутко.
Держись ровнее – счёт несут.

* * *

Смерть придёт без отточий, и будет конечно страшна.
Многokrатно страшнее, чем все мы когда-то боялись.
Инструментов различных с собою притащит она –
Перед ними и самые сильные не устояли...

Для тебя высшей пробы она приготовила боль
(Смерть – творец вдохновенный, любимое знающий дело).
Но измучив, убить – всё, что можно ей сделать с тобой.
Да и то – чтоб ты снова ожил, сбросив прежнее тело.

* * *

Не плачь. Ничто не вечно в этом мире.
Топор бьёт в древесину не со зла,
И смерти улыбается всё шире,
Сверкая глубию, яркая сосна.

И ловит, ловит напоследок в хвою –
Как в детскую ладошку – ветерок.
Не плачь, не надо: над печной трубою
Росточком вверх потянется дымок,

И ветер унесёт его отсюда –
Расти сосной на белых облаках...
Не искупить. Не плачь. И я не буду.
Сосна горит и греет нас в снегах.

* * *

С непонятным упорством, с каким повторяются сны,
Находя себе повод, порой, самый странный и праздный,
В голове, точно снимок, опять проявляется мысль:
До чего, всё же, птица летящая крестообразна...

С каждым разом всё резче, когда закрываю глаза,
Входит образ в сознание, чтоб там навсегда закрепиться:
Пустотой и свободой надрывно зовут небеса,
Человечек ложится на крест и становится птицей.

* * *

Друг за дружкой легко погружаются в лето вёсны.
Годы в годы ныряют, и нету тому конца.
Так уходят размеренно в чёрную воду вёсла,
Повинуясь рукам уверенного гребца.

И давно позабыт и туманом затянут берег,
От которого ты отчалил, и путь к концу.
Что на том берегу – неизвестно. И всё же веришь
Отчего-то течению, лодке, себе. Гребцу.

* * *

Я хлебну допьяна Твоих солнечных дней.
Ну а Ты не жалея – их ещё мне налей.
Горьким луком потерь не закусывать хмель
Мне позволь, и позволь не скитаться во тьме:
По ту сторону времени, точно в огне,
Превращается в прах всё, что дорого мне.
Здесь – всё живо. В очаг Ты подбросишь траву...
Засыпаю и снится: проснулась, живу.

* * *

Закушу одиночество острою долькой луны.
Все дневные дела переделаны и сочтены,
Утомление больно, настырно стучится в висок.
В голове загорается медленно сна колесо,
Выжигая сознание, бежит. Я теряю момент,
Когда мысли последней легко переломлен хребет,
И во мне воцаряется та первородная мгла,
Что божественной силе в себе обнаружить дала
Зародившийся свет. Девяносто процентов она
Занимает во мне, не имеет начала и дна.
Жизнь и память с себя, как дорожную пыль, соскребя,
Каждый ею становится, вновь обретая себя.

* * *

В плащанице пространства растянутой – в эхе шагов,
В преломлении улиц, в отчаянном чаящем крике –
Вновь ищу свою толику, тень моих мыслей и слов.
Моя боль – в аромате примятой лесной ежевики,

Радость – в танце травы на охваченном ветром лугу,
Верность цели в упрямом цветенье подрезанных веток.
Я песком через сито – сквозь смерть снова к жизни бегу.
Но себя по крупицам потом собираю за это.

* * *

Хоть доплыви до дна – пуст неба океан.
Не встретишь никого, кому бы можно было
Молиться. Бог не там. Он каждому был дан
Беззвучной глубиной души, собравшей тело.

Детали не важны. Сейчас будь просто рад
Педали жизни жать и становиться старше,
Пока внутри тебя не прогремит набат
Великой тишины, весь звук в себе собравшей.

* * *

Пахнет остро дождями растрёпанный пьяный шиповник.
И медовая сладость мешается с горечью в нём:
Время пьёт наши жизни, как в баре мы пьём свой джинн-тоник,
И уносит бармен опустевшие рюмки имён.

Даже в самом надёжном есть нежная хрупкость птенечья:
Никого не спасти. Только мужества это принять
Мне не нужно. Дай сил мне противиться этому вечно
И беречь всех, кто дороги мне, до последнего дня.

ЯБЛОКО

Прольётся осень, словно стало лишку
Её вокруг. В затылок горячо
Дохнёт мне лошадь, что везёт мальчишку,
Сорвёт меня с ветвей, споёт сверчок

По мне, а всадник канет в бересклете,
Во мху оставив полнящийся след.
Есть лошади, и яблоки и дети –
И только смерти не было и нет.

* * *

Я сижу на краю в заходящих за землю лучах.
Отдыхает в ладонях согретая пальцами чаша,
И в её черноте, что зачерпнута в водах ключа,
Острый серпик небес и к плечу приклонённая чаша.

Обняла тишина, точно друг после многих разлук.
Мне придётся испить только то, что сама набрала я...
Каждым новым глотком унимаю дрожание рук,
Примираясь со всем и себя, наконец, принимая.

ГЛУБИНА ВЫСОТ

Стихи книги «Погружение» не захватывают читателя, не пленяют, не ошарашивают. Авторской манере глубоко чуждо заигрывание с читательским вниманием, как и любые игры вообще. Эти стихи можно, пожалуй, назвать «погружающими», как и всякую настоящую поэзию. Не случайно именно образ колодца в различных контекстах присутствует во многих стихах. А также поле, луг, лес и сад – классический набор пейзажей человеческой души. Лирический субъект – не наблюдатель, а участник внутренней жизни, её изучение оттого и происходит глубоко и полно, что жизнь здесь познаётся только в соединении с ней.

В стихах «Погружения» очень мягко и легко очерчены контуры тёплого, живого мира взаимосвязей, в котором не умирает ни яблоко, ни сосна, ни человек. Пейзажи этого мира всегда слегка тронуты туманом, они видны сквозь память, сквозь сон (*«Снится: стали туманны прозрачные ранее дали»*), сквозь непрочное состояние покоя (*«Светлячок одиночества мне опускается в душу/ И горит, бросив строчек неверные тени на лист/ Сквозь меня»*).

Нематериальная подкладка жизни, которая и есть – жизнь, открываясь то в одном, то в другом стихотворении в тех или иных формах, задаёт очень высокий смысловой уровень, который Екатерине Дедух под силу выдерживать на протяжении всей книги. Во всех без исключения стихах – редкий (потому особенно ценный) уровень авторской концентрации на смысле, способность не застревать на отдельных лирических эпизодах и деталях, которые можно было бы «раскрутить», «обыграть» и тем самым приземлить, но стремление идти сквозь отдельные штрихи к целостной

картине, сквозь моменты жизни – к тому, что за ними стоит. «Погружение» - книга без «проходных» стихов.

В этой «поэзии глубин» мы находим множество психологически тонких и точных наблюдений, каждое из которых – свидетельство «погружения»: *«...не моя ли рука/ Смысл вынула прочь – точно лампочку из ночника –/ Из живого момента?»*, *«Нет мне воздуха в воздухе. Нет мне земли на земле»*, *«Чтобы освободиться – скажу: «Нет меня»*.

Неспешность и тишина стихов не даёт читателю скользить по строчкам глазами, атмосфера книги сама по себе окунает в пространство живых и объёмных смыслов, сложных и многомерных, но выраженных просто и лаконично: *«Понимать начинаешь, что главного в слове нет,/ И – хоть жизнь положи – в слово этого не вложить,/ Даже если сумеешь до самых глубин дойти.../ Своевременно ляжет само оно между строк./ Так в хороший скворечник слетается стайка птиц,/ Так в простую икону, случается, входит Бог.»*, *«Как молодой, влекомый жарким светом,/ Росток взлетает, зёрнышко дробя – /Так, в небо потянувшись за ответом,/ И ты однажды выйдешь из себя»*. Стихи – развёрнутые метафоры, встречающиеся в книге (*«Гончарный круг вращается быстрее...»*, *«Друг за дружкой легко погружаются в лето вёсны...»*), не в пример многим виршам такого рода, не являются образцами примитивного разжёвывания тех или иных ситуаций и явлений. Удивительно, но даже в таких стихах слышна ясность, простота и естественность авторского голоса.

Именно из этой столь трудно достижимой простоты и неподдельности интонации и растут открытые, сильные, цельные строчки: *«Простая мелкая деталь:/ Шершавость обожжённой кружки,/ Медовый свет древесной стружки,/ Туманом тронутая даль –/ Всё это может много дать /Тому, кто*

понял. На границе/ Помедлит солнце, чтоб напиться,/ Реки не потревожив гладь.», «...Сорвёт меня с ветвей, споёт сверчок/ По мне, а всадник канет в бересклете/, Во мху оставив полнящийся след./ Есть лошади, и яблоки и дети –/ И только смерти не было и нет».

Парадоксы и неожиданные повороты смысла в стихах естественным образом рождаются при его раскрытии, без интеллектуального пустозвонства и додумывания: *«Ты пылаешь сквозь нас, мы сгораем дотла/Но становимся светом Твоим», «Даже в самом надёжном есть нежная хрупкость птенечья –/ Никого не сберечь. Только мужества это принять/ Мне не нужно. Дай сил мне противиться этому вечно/ И спасать всех, кто дороги мне, до последнего дня».*

Для читателя может стать откровением и такое редкое для современной поэзии явление как серьёзное, вдумчивое осмысление библейских сюжетов (*«Вот глиняный сосуд – обыденная ёмкость», «Удалились. Сад замер и сделался луст»*). Не постмодернистское «кривляние на тему», не вольная интерпретация горе-эрудита, не плоские восторги православного активиста, а именно глубокое, личностное погружение в суть.

Собственно, личностный компонент и делает общеизвестное – живым, небанальным, ощутимым. Именно он сплетает в единую ткань книги любовную и философскую лирику, метафизику и бытовые зарисовки. Каждое из стихотворений «Погружения» гармонично «всторе́но» в книгу, несмотря на смысловое и тематическое разнообразие.

Здесь всё – интроспекция, всё - взгляд сквозь. Спокойный, глубокий и верный.

Елена Иванова

СОДЕРЖАНИЕ

«Я уеду за город, где скрежет машинный не слышен...»	5
«Мы на лугу – в ладони Бога...»	6
«Я чаша деревянная. В руке его...»	7
«Ты теперь не со мной, в том ни зла нет, ни чьей-то вины...»	8
«Чтобы освободиться – скажу: «Нет меня»...»	9
«Словно к самому дну, я сквозь день опускаюсь ко сну...»	10
«Стынет, точно смола, вечер жаркий и терпкий...»	11
«Пустота моя, как щенок юля...»	12
«Мне всё видится в лицах прохожих твоё лицо...»	13
«Тех сосен оранжевый аромат...»	14
«Привычную недрогнувшей рукой...»	16
«Сквозь память всё ниже и ниже – вот это по мне...»	17
«Светлячок одиночества мне опускается в душу...»	18
Поэт	19
«Снятся: стали туманны прозрачные ранее дали...»	20
«Здесь над тобой небес сомкнётся море...»	21
«Так волны ясности накрыли...»	22
«Я читаю стихи, но в строке не колеблется слово...»	23
«Стирая мысль в словесный порошок...»	24
«Кто-то горько, всерьёз, кто-то в шутку, а кто-то в бреду...»	25
«Взять бы талант да в землю его зарыть...»	26
«Черноплодной тоской всё полней наливается сад...»	27
«Когда ночного страха чад колеблется во мне...»	28
«Ветер носит тихий лепет бледной лебеды...»	30
«Перед тем, как завять, моё детство дало семена...»	31
«Проработав над словом внимательно столько лет...»	32
«Как молодой, влекомый жарким светом...»	33
«Вот глиняный сосуд – обыденная ёмкость...»	34
«Солнце листьев так запросто втоптанно в землю...»	35
«Время шло и наливало лето...»	36
«Окнами ловишь на память пейзаж вдали...»	37
«Затуши поскорей разговор о мою тишину...»	38

«Когда на душу мне находит глухота...»	39
«День, словно треснувший кувшин...»	40
ЛОВЦЫ ЖЕМЧУГА	42
«Все слова, что сейчас я так жёстко тебе говорю...»	43
«Надо уметь заниматься простыми вещами...»	44
«Под землёю опять не проветрено и многолюдно...»	45
«Вновь твои пальцы скручивают сигарету...»	46
«Слышишь ли нас? Верно, устал, спишь...»	47
«С кем-то друга от пули закроешь собой...»	48
«Одни сосуды лепятся быстрее...»	49
«Весны бикфордов шнур искрит листвою...»	50
«Только небо коптит в бесполезной своей суете...»	51
«Шумят в ночи. На звука остриё...»	52
«Теряясь и не разбирая пути...»	53
В детстве	54
«Мы тарелки из глины, мы так безнадежно устали...»	55
«Удалились. Сад замер и сделался пуст...»	56
«Гудит шмелями тёмная полынь...»	57
«Мы в этой жизни – босяки...»	58
«Смерть придёт без отточий, и будет конечно страшна...»	60
«Не плачь. Ничто не вечно в этом мире...»	61
«С непонятым упорством, с каким повторяются сны...»	62
«Друг за дружкой легко погружаются в лето вёсны...»	63
«Я хлебу допьяна Твоих солнечных дней...»	64
«Закушу одиночество острою долькой луны...»	65
«В плащанице пространства растянутой – в эхе шагов...»	66
«Хоть доплыви до дна – пуст неба океан...»	67
«Пахнет остро дождями растрёпанный пьяный шиповник...»	68
Яблоко	69
«Я сижу на краю в заходящих за землю лучах...»	70
Глубина высот. Елена Иванова	71

ЕКАТЕРИНА ДЕДУХ

ПОГРУЖЕНИЕ

СТИХИ

Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
191119, Звенигородская ул., д.22

Тираж 300 экз., Формат 70х100 ¹/₃₂
110х170 мм, объём 2,5 п. л. (76 стр), 5 илл.
Печать офсетная Заказ №1848
Подписано в печать в сентябре 2017

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии ООО «Контраст».

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.
Тел.: (812) 677-31-19. E-mail: ooocontrast@yandex.ru